№ 1 (14) Понедельник, 1.1. 1945 г.

„Wolja Naroda“

ВОЛЯ НАРОДА

Цена: 20 пф.
Preis: 20 Pfg.
Год издания 1-й
1. Jahrgang

ОРГАН КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Berlin C 2,
Margarinestraße 15-16.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Дорогие друзья!
Поздравляю всех соотечественников
с Новым Годом.
Доблестным солдатам и офицерам
Освободительных Армий,
Трудящимся, временно оторванным от родной земли и на чужбине своим трудом способствующим Освободительной борьбе против большевизма,
Братьям и сестрам, томящимся под гнетом сталинской тирании,
Всем, кто борется и трудится во имя свободы и процветания своей Родины и своего Народа. —
От всей души желаю в наступающем году успеха, победы над врагом, освобождения Народов России от ненавистного большевизма и возвращения на свободную, счастливую Родину.

31 декабря 44. Власов

Новогоднее поздравление генерала Власова всем нашим соотечественникам

К Новой России!

Накануне нового года принято подводить итоги пройденному и совершённому, принято намечать пути, ведущие в будущее. Не только по линии сохранения давно сложившегося обычая мы сделаем и то и другое, но и потому что истекший год внес очень много нового в жизнь нашего народа. У нас есть чему подвести итоги и есть о чем поговорить с расчетом на завтрашний день.

1944-ый год завтра будет уже историей. Внимательные наблюдатели отметят, что в этом истекающем сейчас году было два поворотных момента в жизни нашей страны, которые могут самым решительным образом повлиять на судьбы нашего народа.

Во второй половине 1944 года завершился процесс разъединения двух, казалось, еще долго неразделимых понятий; двух, казалось, слившихся в однородный, неразъединимый сплав элементов — подлинного русского патриотизма и большевизма. Успехи Красной армии последних двух лет можно объяснить только тем, что в 1942 году Сталину, в силу причин исключительно внешнего характера, удалось то, что не удавалось все 24 предыдущих года существования советского строя, удалось соединить воедино извечную любовь русского народа к своей Родине с антинародным по своему существу — большевизмом. Однако, начиная со второй половины истекшего года взаимоотношения между народом и государственным строем Советского Союза складываются опять такими же, какими они были в 1941 году.

Перелом произошел в то время, когда Красная армия переходила границы Советского Союза. До этих границ, по убеждениям офицеров и солдат, а вместе с ними и всего народа, Красная армия выполняла функции национальной армии. Идея защиты своей земли, освобождения ее от внешнего врага, была и движущей силой наступлений и оправданием приносимых для этого неисчислимых жертв.

С выходом на границы эта мотивировка в значительной степени потеряла свою убедительность, и армия, оставив за собой родные рубежи, потеряла импульс для движения вперед. В силу инерции и выгодно сложившейся на юго-востоке Европы конъюнктуры, прокатившись еще какие-то десятки, а местами и сотни километров, Красная армия потеряла свой наступательный порыв, и последние месяцы мы наблюдаем, хотя и многочисленные, но, в большинстве своем, безрезультатные попытки продвинуться дальше на запад. Наряду с усилившимся германским сопротивлением этот момент, потеря внутреннего двигателя, сыграл, конечно, значительную роль при относительной стабилизации фронта.

Расхождение стремлений народа с интересами власти началось тогда, когда советское правительство, и не думавшее изменять своей идеологии, решило использовать благоприятно сложившуюся обстановку и разыграть вариант мировой революции с применением вооруженных сил. На штыках армии, поднявшейся для защиты своей земли, оно решило пронести знамя пролетарской революции, если уж не через всю Европу, то, хотя бы, через ее восточную часть.

Если закрыть глаза на стремление советского правительства советизировать во что бы то ни стало ближележащее капиталистическое окружение, то для дальнейшего движения на запад нет решительно никаких ни причин, ни возможностей.

Во всяком случае, мы можем констатировать, что расхождение между стремлениями народа и стремлениями власти будут расти и углубляться с каждым днем. Решающим в данном случае является то, что третьим фактором, вклинившимся между народом и властью является на сей раз, в отличие от 1941 года сила не внешняя, а антибольшевистское Освободительное Движение Народов России.

В конце этого же 1944 года началась организованная политическая борьба против большевизма. Только в этом году наш народ смог противопоставить большевизму свое народное мировоззрение, идеологию и программу. До этого времени велась борьба иногда жертвенная и героическая, но только против вольных и невольных носителей большевизма, в то время, как сам большевизм оставался незатронутым. Со дня опубликования Пражского Манифеста наша борьба стала борьбой политической, стала борьбой против большевизма, как против системы, потому что большевизму мы смогли противопоставить не только нашу ненависть к нему, но, что гораздо важнее, свою положительную созидательную программу.

Вот то, что оставляет нам уходящий сегодня в историю 1944-й год. Внутреннюю, пока еще невыявленную силу двух этих явлений, мы сможем оценить только позднее. Так велико их значение для будущего. Бесспорным является уже одно, что эти явления вызывают к жизни силы, которым сужден светлый удел — положить основание, начать созидание новой свободной России.

К началу 1945-го года объединение антибольшевистских сил нельзя назвать ни полным, ни законченным.

Препятствия, мешающие завершению объединительного процесса — или географическая разобщенность или вражеские полицейские заставы. Но для идей, как известно, нет ни расстояний, ни границ, ни преград. Пусть это будут даже и преграды из колючей проволоки или тюремных решеток. Наступающий год начнется под знаком идейного объединения наших соотечественников.

В последние часы 1944 года мы можем произвести смотр своих сил, частично еще только антибольшевистских, частично поднявшихся уже на следующую ступень — принципиальных созидательных сил Новой России.

Нет такого угла на земном шаре, где бы в эти часы русские люди не говорили, не мечтали и не думали о такой желанной и такой близкой Родине-матери.

В концентрационных лагерях Северной Америки, в лагерях военнопленных в западной Англии, откуда еще недавно была адресована генералу Власову просьба о помощи, в эту ночь больше, чем когда-нибудь, и сильнее, чем когда-нибудь, будут мечтать и думать о возвращении домой, в новую свободную Россию.

Там, за далеким горизонтом, от Варшавы и Будапешта до Владивостока тоже будут встречать новый год, желать друг другу счастья и говорить о новой, лучшей жизни. Многие из них еще не знают, что, говоря о новой, лучшей жизни, — они говорят о новой России.

Мы здесь в Европе — военнопленные и беженцы, солдаты РОА и рабочие встретим новый год не так, как встречали прошлый. Мы тоже будем говорить о Новой России, но о России, ясные контуры которой видны сейчас каждому из нас.

1944-й год уходит в историю. На пороге нового года мы мысленным взором окидываем наших единомышленников и обращаемся к ним с бодрым и твердым словом:

Друзья! В новом году с новыми силами — к Новой России!

Наши девушки

Наступающий год—год нашей победы

ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ ГЕНЕРАЛОМ ВЛАСОВЫМ КОРРЕСПОНДЕНТУ АГЕНТСТВА „ТРАНСОЦЕАН-ЕВРОПА-ПРЕСС“

Председатель Комитета Освобождения Народов России генерал-лейтенант А. А. Власов принял корреспондента агентства «Трансоцеан-Европа-пресс» и на вопрос о перспективах 1945 года дал следующий ответ:

«1945 год будет поворотным годом в происходящей войне. Мы можем утверждать это, исходя из реальной оценки сегодняшней советской наступательной силы. Эта сила уже не сможет изменить конечного результата войны: свержения большевистской диктатуры в Советском Союзе. Почему? Четыре обстоятельства позволяют мне смотреть на грядущий год оптимистически.

Во-первых, использование большевизмом военных средств, дошедшее до высшей точки в истекшем году, — в новом году упадет, так как в беспримерных кровавых битвах прошедших лет ресурсы большевизма до предела истощены.

Во-вторых, происходящее наступление германской армии на западе является горьким уроком для англичан и американцев, считавших, что победа уже у них в кармане.

Германский народ еще раз показывает свою силу. Его сегодняшние удары по союзникам большевизма помогут и народам России освободить свою Родину.

В-третьих, освободительная борьба народов России против большевизма в Советском Союзе непрерывно расширяется, несмотря на военные успехи большевизма в последние месяцы. Особый размах приняла эта борьба на Украине.

Борьба народов России против большевизма в 1945 году усилится и охватит все области Советского Союза, так как уже сейчас повсеместно возникают новые очаги антибольшевистского движения. Большевизм будет испытывать затруднения во всевозрастающем масштабе: его военная сила будет ослабевать, его коммуникации будут нарушаться — не только на фронте, но и в глубоком тылу. Я не переоцениваю этих факторов, но и не могу преуменьшать их значения.

И, наконец, в-четвертых, — возникновение Комитета Освобождения Народов России и его Манифест придали освободительной борьбе народов России не только широчайший размах, но и нерушимую сплоченность. Не только многие миллионы наших соотечественников, вырвавшихся из-под гнета сталинской тирании и находящихся в Европе, но и многомиллионные массы народов в Советском Союзе становятся под знамена Комитета Освобождения Народов России. Непрерывно растут Освободительные армии, представляющие собой новый военный фактор, который получит в 1945 году свое настоящее значение.

Освободительное Движение Народов России преследует высокие и благородные цели. Манифест Комитета Освобождения Народов России, в котором ясно и четко сформулированы эти цели, выражает общие чаяния. За этим Манифестом пойдут также офицеры и солдаты Красной армии, которых сегодня обманом и террором Сталин гонит в бой.

Уже теперь не только отдельные офицеры и бойцы, но и целые подразделения Красной армии переходят на нашу сторону, потому что им все более очевидными становятся преступные цели продолжаемой большевизмом войны.

1945-й год будет годом, когда народы России совместными усилиями свергнут большевизм и завоюют для себя свободу, мир и благосостояние.»

Новый год

Итак, еще один год за нашими плечами. Так же, как и предшествующие годы, он прошел под грохот орудий, освещенный заревом пожаров, обрызганный кровью наших братьев.

Мы помним, как сравнительно безмятежно встречали мы 1941 год у себя дома. Праздничный новогодний стол, оживленные лица собравшихся в этот торжественный вечер друзей, свежие платья девушек, звон бокалов, шутки и смех. Правда, на следующий день нас вновь ожидали серые советские будни. Но все же мы верили в себя и в светлое будущее. В наших новогодних поздравлениях друг другу не было лицемерия, в них звучал окрыляющий задор молодости.

А теперь, — скольких из нас нет на свете? Сколько наших друзей, белозубых и ясноглазых, полегло под Киевом и Ельней, в Севастополе и в Сталинграде? А другие? В завшивевших землянках и промерзлых окопах выполняют сталинские приказы, рвутся в Европу, оставив в тылу голодные семьи и разгул террора НКВД. А мы сами? Страшно оглянуться назад, страшно вспомнить, что нам пришлось перенести за последние три года. Сколько раз мы были на волосок от смерти, сколько тоски изболели в бессонные ночи в лагерях военнопленных, как истрадались за судьбу близких!

Сколько раз мы встречали новый год на чужбине? Один, два, многие — три раза. Легко ли это? Пусть каждый спросит себя об этом. Спросит и еще раз ощутит горячее чувство любви к оставленной родине, неистребимое стремление вернуться домой. И разве в 1942—1944 годы, в торжественную новогоднюю ночь, мы не мечтали об этом, не вспоминали мать и жену, детей и дом свой? Вспомним и сегодня на пороге 1945 года. Но вспомним с новым окрыляющим чувством.

Умирает старик — 1944 год, но 14 ноября этого года родилось то, что уже не умрет, — родилось Освободительное Движение Народов России. Робко звучали наши голоса ровно год назад, когда мы уверяли друг друга, что все еще будет хорошо, и что мы вернемся в свободную Россию. Теперь в наших голосах нет сомнения. Весь пройденный за время войны крестный путь каждого из нас, военнопленного и рабочего, школьника и профессора, озарен новым светом, приобрел свое высшее осмысление и оправдание. Не злая насмешка судьбы оторвала нас от родины и забросила в зарубежье. Нет, мудрая сила истории привела нас сюда и спаяла крутой порукой, вложила в наши сердца неистребимую любовь к отчизне и непреклонную волю к борьбе за ее свободу и счастье.

Большинство из нас попало в Германию одиночками, оторванными от всего, что дорого, привычно и близко. Общая участь соединила нас. Посмотрите вокруг, друзья, какая прекрасная дружба завязалась у бойцов РОА, у парнишек, работающих за соседними станками на немецком заводе, у девушек, чьи койки стоят в одном бараке, у русских и украинцев, грузин и узбеков. Какая чудесная любовь расцветает, зачастую, в самых суровых и, казалось бы, неподходящих условиях военного времени. Это все говорит о том, что не очерствели сердца, не убита надежда, не попрана вера в человека-брата. Дружбу и любовь пронесли мы с собой через огонь боев и тяготы окружающей повседневности. И это удалось нам, прежде всего, потому, что не отщепенцами почувствовали мы себя в зарубежье, а подлинными сыновьями и дочерьми России. Не только общая печаль, но и общая любовь к родине соединяет нас.

Вот почему организация народов России для борьбы с большевизмом, для борьбы за Россию сразу же стала личным делом каждого из нас, подлинно кровным делом. Вот почему первые раскаты этой борьбы, которая только вот еще начинается вместе с рождением нового 1945 года, окрашивают своим мужественным рокотом торжественное пришествие этого нового года. Отныне мы твердо знаем свой путь и уже ни при каких обстоятельствах и бурях не собьемся с него.

Скромен будет нынешний новогодний ужин. Но ни бедность обстановки военного времени, ни оторванность от родного дома и близких, не погасят нашу радость, идущую от чистого сердечного родника. Выше головы, друзья! Мы имеем право на эту легкую радость. Завтра придется итти в бой.

В новом 1945 году мы будем драться за нашу правду, за нашу землю, за наших любимых. Без муки, а с надеждой на скорую встречу вспомним сегодня улыбки наших детей на руках у матерей, мотивы родных волжских и украинских песен, разухабистый гопак и благородную лезгинку, рассыпчатый смех олонецких деревень, яркие звезды родного неба, звон кремлевских курантов. Все это снова будет с нами. Верьте в это, соотечественники! Крепче обнимите друг друга в этот новогодний вечер. Сегодня или завтра весь народ будет в общих шеренгах борцов за отчизну против зла, крови и мракобесия сталинской тирании.

С Новым Годом, соотечественники, с Новым Счастьем!

За Освободительное Движение Народов России!

За наш народный Манифест!

За нашу победу, за Россию!

Дм. Рудин

Политика лжи и насилия

Последствия перемирия с СССР

С момента вступления советских войск в Румынию, страна быстро идет к экономическому развалу, вызываемому, в первую очередь, тяжелыми условиями перемирия с СССР. За последние недели цены на продукты питания возросли в 3-4 раза. По мнению румынских экономистов Румыния находится на пороге инфляции. Среди населения царит беспокойство и недовольство создавшимся положением.

На пути к колхозам

Советская контрольная комиссия в Финляндии разработала проект отчуждения крупных крестьянских земельных участков. В виду того, что в Финляндии имеется всего лишь 750 хозяев, владеющих участками свыше 100 гектаров, надо предполагать, что комиссия имела в виду не только эти участки, и, что этот проект является, по существу, первым шагом к введению колхозного порядка.

Английский империализм в Абиссинии

По сообщению лондонского осведомительного бюро, в Аддис-Абебе подписано англо-абиссинское соглашение, по которому известные области, граничащие с Сомали, остаются под британским мандатом. Так на практике выглядит «освободительная политика» английского империализма.

Цена английских гарантий

Английская газета «Таймс» опубликовала открытое письмо посланника польского эмигрантского правительства в Великобритании Рачинского. В письме говорится: «Следует напомнить, что Англия обязана рассматривать Польшу, как единое государство, во главе которого стоит польское правительство в Лондоне, и что гарантии, данные Великобританией Польше, еще не потеряли своей силы».

Рачинский забывает, что Англия рассматривает свои международные обязательства единственно с точки зрения своей выгоды, чем и объясняется ее позиция по отношению к польскому вопросу.

Идэн и Черчилль в Афинах

В первый день Рождества Черчилль в сопровождении министра иностранных дел Идэна посетил Афины, где вел переговоры с главнокомандующим союзными силами в Средиземноморском бассейне фельдмаршалом Александером и греческим министром-президентом Папандреу. На совещании, происходившем под гром английских и повстанческих орудий, было решено созвать конференцию для обсуждения возможности прекратить «братоубийственную войну в Греции». На эту конференцию приглашена и центральная комиссия греческой организации ЭЛАС.

Поездка Черчилля и Идэна в Афины во время рождественских праздников показывает, насколько в Греции осложнилось политическое положение. Одновременно из Лондона сообщают, что Черчилль отказался от своего намерения посетить западный фронт. О причинах этого отказа ничего не сказано.

В СССР...

Л. Каганович — заместитель председателя Совнаркома

По сообщению из Москвы, Лазарь Каганович назначен заместителем председателя Совета Народных Комиссаров и одновременно освобожден от исполнения обязанностей народного комиссара путей сообщения.

Новое назначение Кагановича и недавняя смена Ворошилова говорят о новой перегруппировке ближайших сотрудников Сталина.

Монгольский отдел при Наркоминделе

При народном комиссариате иностранных дел в Москве учрежден специальный монгольский отдел. Как официально сообщается, отдел создан «в целях лучшего ознакомления с делами Монгольской Народной Республики».

В связи с ухудшением положения Чан-Кай-Ши в Китае и успехами Японии, создание этого отдела весьма показательно. Очевидно, СССР считает необходимым укрепить свои политические позиции на Дальнем Востоке.

Новые успехи Германского наступления

Прорыв в Люксембурге и Бельгии углубляется • Захвачено свыше 700 американских танков и бронемашин • Прорыв американских линий в Средней Италии

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Согласно последним сообщениям Германского Верховного Командования, наступление германских войск в юго-восточной Бельгии и среднем Люксембурге продолжает развиваться успешно. Благодаря этому, удалось устранить нажим врага против областей среднего и нижнего Рейна и Пфальца. Большая битва становится более напряженной. С обеих сторон вводятся новые силы. Севернее Лироша происходит танковое сражение, в котором уничтожено или захвачено 70 американских танков. С 16 по 25 декабря уничтожено или захвачено свыше 700 американских танков и бронемашин.

Попытки американцев освободить из немецкого окружения отрезанный в Бастони гарнизон остались безуспешными.

В среднем Люксембурге новые сильные атаки врага были также напрасными. Только западнее Эхтернаха противнику удалось немного выиграть в пространстве.

В районе реки Саар, на границе между Пфальцем и Эльзасом, германские войска вернули группы ДОТ'ов в предполье Западного вала, в том числе Шисок, и вновь заняли много населенных пунктов также и у северной границы между Эльзасом и Лотарингией, оттеснив при этом противника на целом ряде участков. 26 декабря над западным фронтом было сбито 35 самолетов противника. Наряду с постоянно обстреливаемыми Лондоном, Льежем и Антверпеном был впервые подвергнут огню дальнего действия также и Манчестер.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФРОНТ

В средней Италии германо-итальянские войска внезапным ударом прорвали в районе Галликано американские линии и отбросили на несколько километров части 92-ой американской дивизии, захватив при этом пленных. У Фаэнцы возобновилась боевая деятельность.

БАЛКАНЫ И ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Группа немецких войск, обеспечивавшая у Подгорицы, сев. Скутарийского озера фланг отходивших из Греции войск, с успехом выполнила задачу. Прорвавшись из окружения превосходящих по численности банд, она присоединилась к главным силам.

В Венгрии германские сторожевые части отбили попытку советских войск переправиться через Платенское озеро.

Советские атаки в районе Штульвейссенбурга были неудачны. Западнее Будапешта противнику, встречающему мужественный отпор, удалось расширить вклинения в северном и северо-западном направлениях. На западной окраине города происходят ожесточенные бои.

В районе Шальготарьяна происходят бои на отдельных участках. Советские атаки у Гросс-Штефельсдорфа и восточнее Кашау отражены огнем.

В Курляндии с 21 декабря происходила новая битва против противника, перешедшего в третье большое наступление. Поддержанные авиацией и зенитной артиллерией, германские дивизии нанесли противнику поражение и уничтожили всего 334 советских танка.

За последние дни на восточном фронте было сбито 238 советских самолетов.

Афинская ночь

Ответственный редактор генерал лейтенант **Г. Н. ЖИЛЕНКОВ**

Заместитель ответственного редактора **А. КАЗАНЦЕВ**

Wolja Naroda Verlag GmbH., Berlin C 2, Magazinstr. 15-16. Hauptschriftleiter: Generalleutnant Georgij Schilenkow. Stellvertreter des Hauptschriftleiters: A. Kasanzew. Druck: Wendt & Matthes GmbH. Berlin C 2. Zur Zeit Anzeigenpreisliste Nr. 6 vom 26. August 1941 gültig.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Рассказ

За толстыми стенами землянки бушевала снежная буря. Каждый выходивший из санитарной части батальона видел перед собою сплошную воздушную реку белых пятен. Снег больно хлестал по лицу. В надвигавшихся сумерках за два шага ничего нельзя было разобрать.

Этому внезапному изменению погоды очень радовался санитар Козлов, пожилой усатый красноармеец.

— Эх! Такую-б погодку да недельки на две! — мечтал он, подкладывая в железную печурку, сооруженную из цинковых ящиков из-под патронов, мелко наломанный хворост.

В непогоду можно было безбоязненно топить печурку. Неприятель не заметит.

— Подсушимся, погреемся, — протягивая окоченевшие руки к разгоравшейся печке, сказал второй санитар Ястребков.

— Теперь граммов бы триста водченки хватить, в самую пору, — помечтал Козлов.

— А, вот, кончим войну — хватим,— ехидно успокоил Козлова Ястребков.

Запищал полевой телефон. Лежавший в углу землянки на куче хвороста врач Макаренко взял телефонную трубку.

— Да, — сказал врач. — Говорит «Стрела»... Я — пятнадцать... Кто?.. Марс?.. Кого?.. Двадцать два?.. Сейчас посмотрю, кто это — «двадцать два»... Ага... Так... Понятно... В чем дело?.. Ага!.. Хорошо!..

Положив трубку, он сел на своем неуютном ложе.

— Козлов, — приказал он, — вызови-ка из женской землянки эту новенькую, что сегодня прибыла! Как ее по фамилии... Малиновская, что-ли? И приготовься! Отправить вдвоем в пятую роту!

— А что там? — грубо спросил Козлов, у которого сразу же испортилось настроение.

— Лейтенант Николаев тяжело ранен в руку. В роте нет бинтов.

— Так чего его сюда не направят? — Козлов со злостью выругался.

— Лейтенант не хочет покидать свой боевой пост, — объяснил врач. — И все равно надо бинты доставить.

— Эх, ты, жизнь чортова! — надевая на голову пилотку, проговорил Козлов и, сокрушенно вздохнув, вышел из землянки.

Через две минуты он возвратился. За ним вошла сестра Малиновская.

— Куда надо итти? — веселым голосом спросила миловидная, еще очень молодая Малиновская.

— В пятую роту, — ответил врач. — Захватите с собою побольше бинтов для роты вообще! Там у них нет, оказывается, ни одного бинта. Все вышли. Сделайте перевязку лейтенанту и вернитесь!

— А кто со мной пойдет? Ты, папаша? — спросила она Козлова.

Козлов сурово взглянул на Малиновскую, и усы его задергались от невольной улыбки.

— Да, видно, придется сопровождать тебя, красавица.

— Ну, так собирайся! Я — живо! — Малиновская выскочила из землянки.

За нею вышел набивший свою санитарную сумку бумажными бинтами Козлов.

— Вот непогодь-то! — весело отозвалась Малиновская, поворачиваясь к ветру спиной.

— Занесет снегом.

— А тебе весело! — укоризненно сказал Козлов. — Тебя как звать-то?

— Меня Таней.

— А годков тебе сколько?

— Девятнадцать.

— В аккурат как и моей Иришке. Тоже — дура где-нибудь шатается, так вот, по фронту.

— Почему — дура?

— Да как же не дура? Все русские — дураки! Ты вон послали: на прошлой неделе командиру батальона Гительману только палец царапнуло осколком, так он уже и неизвестно где. Поди, на Кавказе лечится. А тут — дурак этот Николаев, лейтенант самый, ранило, а он к себе санитаров вызывает. Ему, видишь, «пост покидать нельзя». Покеда не оторвут башку начисто. Орден получить хочет.

— Ну, и пусть получает. Хорошее дело. И нам с тобой по ордену дадут.

— Жди! На том свете!

Согнувшись в дугу, пара пробивалась сквозь снежный поток.

— Далеко до роты? — спросила Малиновская.

— Километра два будет. Сегодня хоть тихо. Не стреляют. Немцы, они по ночам не любят стрелять. Ежели наши не задевают, они молчат. Спать любят. А, вот, румыны когда были, так те днем молчат, зато, как ночь подойдет, так и шпарят всю ночь напролет. Садят в белый свет, как в копеечку.

— А мы не заблудимся с тобой, папаша? К немцам в гости не заскочим?

— Бог милостив, дочка. А да и заскочим, так что плохого? Тоже — люди.

— Ты что? Обалдел? Да я лучше руки на себя наложу, чем к немцам попадаться.

— Боишься?

— А то нет?

— А чего ты боишься?

— Как чего? Не читал разве в газетах, как они издеваются над нашими?

— Читай больше! И не то еще померещится.

— Не померещится, а так оно и есть.

— Глупая ты, дочка. Больно любишь энту советскую власть. А она до тебя, как ворог лютый. Эвон, каких вас позагоняли на фронт, дьяволы! Когда бывало такое? Девченок и в такое пекло. А для чего, спрашивается? Без вас тут не обойдется?

— Значит, не обходится.

— Мели, дура! Не видала ты жизни, так и мелешь, что тебя заставляют.

Когда они забрели на бугор, предшествовавший расположению огневых точек роты, Козлов пригнулся и велел то же самое сделать Малиновской.

— Кланяйся ниже, дочка! Здесь пули часто сигают. Пригнись, пригнись!

Но, к его удивлению, на этот раз ни одна пуля не прожужжала мимо ушей.

— Смотри-ка ты! — удивлялся Козлов. — Будто и фронта нет, до чего все тихо да спокойно.

— Немцы от погоды спрятались, — предположила Малиновская.

Залепленные снегом Малиновская и Козлов втиснулись в землянку штаба роты. В командном пункте коптил зажженный для освещения электрический провод. Он издавал невыносимо-противный чад горелой резины. Сюда непогода загнала красноармейцев. Бойцы в низеньком помещеньице сидели на корточках. Вполголоса вели буднично-пустые разговоры. Курили цыгарки, зажимая их грязными прокопченными пальцами.

Малиновская, с помощью ротной сестры, перевязала рану лейтенанта.

Выйдя в обратный путь, Козлов и Малиновская некоторое время молчали.

Но вот Малиновскую стало пугать то, что Козлов несколько раз останавливался и всматривался в окрестность.

— Ты чего ищешь? — спросила она Козлова.

— Да вроде не той дорогой идем, — смущенно ответил Козлов.

— Сбился с дороги?

— Да разве в такую непутевую погоду долго сбиться?

— И верно, гляди, как бы к фрицам не попасть, — сказал, наконец, Козлов.

Малиновская невольно ухватила Козлова за мокрый рукав шинели.

— Боишься? — усмехнулся Козлов. — Обожди пугаться, еще не заблудились. Нам только на пригорок взобраться. А там я все кусты знаю.

Но, пройдя еще некоторое расстояние, он остановился.

— В самом деле — сбились! — сказал он. — И куда теперь итти — не знаю.

— Вот тебе и догулялись, — простонала Малиновская.

— Не напороться бы на минное поле, — сказал Козлов.

Они под вой непогоды бродили по разным сторонам и нигде не находили признака близости людей.

— От фронта бы не оторваться, в тыл не уйти бы, — пугался Козлов, — а то обоим нам припишут по делу. А то заградотряд стебанет. Теперь это недолго.

Но в следующие попытки выбраться к знакомым местам не увенчались успехом, но зато они подошли к колючей проволоке.

— Чья-ж это проволока? — рассуждал Козлов, щупая колючие шипы. — Кабы она в порядке стояла, так твердо знал бы, что — наша и за ей немцы. А то она где — боком, где — поперек поставлена. Не разберешь. Однако, пойдем, дочка, от проволоки подальше. Не приведи Господь, кто заметит, что мы у проволоки шатаемся, — скажут: к немцам пробирались. Беды не оберешься. Эх ты, жизнь фронтовая, проклятущая! Везде от нее погибель.

Они повернули в сторону от проволоки.

— Погоди! — остановился Козлов. — Вон звезды блеснули! А ну-ка я сейчас по звездам определю: в какую сторону точнее итти. Это что-ж за звезда за такая? Не знаешь? Не ученая по этой части? Погоди, это должно быть не иначе, как самый хвост Ковша. Он самый и есть. Следовает быть: как этот хвост смотрит на север, а справа будет восток, а немцы — на западе, то выходит — нам итти сюда, направо. Понятно? Вот и разобрались. Давай, дочка, улепетываться отселева. Не вешай носа-то! Скоро дома будем! Да вон, вроде огонь показался. Стрельнул, будто, кто трассирующей. Заметила? Вон — прямо-то!

И вдруг их оглушил окрик:

— Хальт!

— Немцы! — прошептала Малиновская и ухватилась обеими руками за Козлова. — Пропали мы с тобой!

Козлов остановился, зачем-то потрогал залепленные снегом усы.

— Русские мы, — неторопливо и в то же время степенно, ответил он. — Понимаешь? Русские!

В его голосе звучало смущение.

— А! Ну, значит, здравствуйте, — спокойно ответил тот, кого они приняли за немца и, как ни в чем не бывало, повернулся к ним спиной и пошел вперед.

Козлов с Малиновской невольно последовали за ним.

Подойдя к какому-то сугробу, он остановился.

— Погодите-ка здесь, — сказал он и скрылся в углублении сугроба.

— Что теперь будем делать? — спрашивала трясущаяся от страха Малиновская. — Пристрели меня, папаша!

— Обалдела, дура? — хмуро отозвался Козлов. — Ничего не будем делать. Что же будешь делать? Попались, так будем сдаваться.

Немного подумав, заворчал:

— А чего он у меня винтовку не отобрал? Солдат, называется. Спиной повернулся, будто я ему и не боец вовсе? Будто у меня не винтовка, а коромысло за плечами. Должен страх иметь!

Через пару-другую минут часовой показался на поверхности.

— Заходите, землячка, — указал он на вход в сугроб.

Козлов спустился по ступеням. Малиновская за ним. Они подошли к двери. Долго обивали друг друга от снега. Все не решались заходить.

Козлов потянул дверь, и в ослепительном свете карбидовой лампы им представилась яркая картина: за небольшим столом сидели офицеры. В углу уютного теплого бункера стояла небольшая елочка, украшенная бонбоньерками и елочными украшениями. На ней горели разноцветные свечечки. Радиоаппарат передавал легкую музыку. На накрытом белой скатертью столе стояли бутылки с вином и угощением.

При появлении миловидной, разрумянившейся от мороза Малиновской, все офицеры поднялись с мест. Один подошел ближе и по-русски спросил:

— Вы только-что оттуда?

— Да, — тихо ответила Малиновская, исподлобья осматривая общество.

— Очень приятно! Раздевайтесь, садитесь к нам за стол! Расскажите нам последние новости!

— Вы кто? — осмелилась спросить Малиновская, приходя в себя и улыбнувшись.

— Я — офицер Руской Освободительной Армии.

— Так, значит, в самом деле такая существует? — спросила Малиновская, с большим облегчением вздохнув.

— Значит существует, если вы видите перед собою русского офицера, — улыбнулся поручик. — Вы в хорошую минуту к нам попали. Мы только-что приготовились встречать Рождество. Милости просим!

Офицеры потеснились и предвинули для Малиновской свободный стул.

Анатолий Филиппов

Сергей Широков

Неотосланное письмо

Я хочу, чтоб ты был здесь, рядом.
Твоя рюмка налита, полна...
Заведенным старинным обрядом
Новый год я встречаю одна.

За окном — завыванье метели.
В снежном вихре запуталась ночь.
На твоей одинокой постели
Одеяло откинуто прочь.

Ты войдешь, поцелуешь, как прежде,
Я тебя с нетерпеньем жду.
Тихо скажешь: «Мечты и надежды
Пусть исполнятся в новом году!»

Бьет двенадцать. Одна я дома.
За тебя поднимаю бокал...
Дверь открылась. Вошел незнакомый,
У порога застенчиво встал.

Ну, и прямо сказал, без обмана:
— Слышал я про него стороной.
Комиссар застрелил из нагана...
Ты не жди... Не вернется домой.

И пробили часы двенадцать,
Пела песню метель над крыльцом.
С места я не могла подняться,
Обернуться к иконе лицом.

Он поставил дорожную сумку
И скосил как-то в угол глаза.
А в твою одинокую рюмку
Покатилась моя слеза.

Ты письма никогда не получишь.
Вот на нем голубеют цветы.
Пусть лежит у меня... так лучше.
Будто рядом со мной — и ты...

Вечером...

Вчера еще не было выхода. Он так и пишет об этом — о своей беспросветной жизни...

Кончен утомительный день. Зябко кутаясь в старенькое пальто, возвращается он домой. Странно звучит это слово: «домой». Нет у него дома.

По лестнице чужого дома поднимается он к себе на чердак. На столе скудный ужин. Горько, холодно, одиноко. Завывает под крышей вьюжный ветер, бьется в окно снежные хлопья...

Один за другим тянутся тоскливые вечера, набегают месяцы и вот уже два года прошли на чужой стороне. Изо дня в день одно и то же: работа, лестница, чердак...

От усталости, от горьких раздумий спится плохо. А утром — снова работать...

Вот и стал постепенно человек менять кожу. Перестал рассуждать о высоких материях и зажил одним днем. Начал забывать свое педагогическое «далеко» и старался примириться с новой профессией.

Но никогда не мог примириться с прошлым, несмотря ни на что. От прошлого он ушел навсегда, куда угодно и в какие угодно условия.

Кое-кто потянулся к прошлому. Сегодняшние обиды заглушили память о прежних. Прежние не казались уже такими страшными. Так думал кое-кто из молодых, но у них была короткая память. А он ничего не мог позабыть из того, что видел, знал и пережил.

Казалось, что выхода нет. Оставалось — существование, жизнь одним днем. Он и не жил, — существовал... Работа, чердак...

Но память, мысль, рассудок — продолжали жить и однажды привели его к той черте, где кончается животное прозябание и начинается жизнь.

Каждый мыслящий человек рано или поздно приходит к этой черте. Падает с глаз последняя пелена и видится в ярком свете вся жизнь — прошлая и настоящая. И видел выход. Путь к нему труден, но выход есть.

Нельзя ждать, когда все сделают другие. Дорог каждый человек. Только дружными усилиями можно достигнуть цели. Иначе — прозябание, или еще страшнее, — возврат к прошлому.

Выбор сделан, есть цель: домой, к себе, против прошлого, за новое.

Вчера он еще не верил в возможность этого, а сегодня видит вокруг себя жизнь и борьбу. Видит, что он не один, а нас много.

И все окружающее кажется совсем иным. В жизни есть цель...

Завывает под крышей вьюжный ветер, бьется в стекла снежные хлопья. Пишет человек свою исповедь и может быть, не знает, что сотни таких же, как он, в бараках, в комнатушках, на чердаках, нашли в этот вечер дорогу к цели.

П. Игнатьев

Новогодняя застольная

Наступит когда-нибудь вечер,
Я память о нем сберегу,
О скорбной и радостной встрече
В любимом и тесном кругу.
Каким бы я ни был усталым,
Но трудную дорогу пробью...
Поднимем повыше бокалы
За встречи в родимом краю!

Не стихли военные грозы,
Душа изболелась до дна,
Роняет горячие слезы,
Бледнее, чем саван, жена.
И ждет нас она, как и ждала,
Морщинками рот окружен.
Поднимем повыше бокалы
За наших покинутых жен!

Пробьемся скорей на дорогу
Мы к той, что томится одна,
Чьи слезы доходят до Бога.
Молитвы — спасают со дна.
Что ждать до сих пор не устала
Пропавших своих сыновей.
Поднимем повыше бокалы
За наших родных матерей!

Мы знаем беду и утраты,
Нам горе насупило бровь,
Но сердцу попрежнему святы
И дружба, и ваша любовь.
Мы горя видали немало,
Пусть радость струится из глаз.
Поднимем повыше бокалы,
За тех, кто нас любит сейчас!

Пусть зимние плачут метели,
По мертвой засохшей траве,
И пусть мы на год постарели,
Блестит седина в голове.
Мы многое в жизни узнали,
Мы с вами закончим войну,
Поднимем повыше бокалы
За нашу родную страну.

Е. Коваленко

Сергей Есенин

Забываются даты, житейские мелочи, критические рецензии... Поэтический мир Сергея Есенина — незабываем, и тот, кто однажды приобщался к этому миру, остается с ним навсегда.

Прошло 19 лет со дня гибели поэта. Отлетела шелуха времени, и остались только стихи, неиссякаемый поэтический родник, из которого мы так щедро пьем вдохновение поэта, его любовь, страдания и радость.

Есенин — самый яркий поэт революционных лет — и любимейший поэт нашей молодежи. Его творчество прошло суровые испытания цензурных гонений, замалчивания и брани критики. Со стихами Есенина мы знакомились, главным образом, в рукописных списках, но от этого они становились еще ближе и любимее.

Даже самые правоверные комсомольские сердца не выдерживали и, несмотря на любые запреты, заучивали наизусть томики Есенина и читали стихи, украдкою, своим близким. В 30-х годах пришлось снять официальный «карантин», так как он только усиливал тяготение к стихам Есенина.

Никто другой из современников не писал таких искренних, простых и понятных стихов, не воздействовал так на наши чувства. И старый и молодой, и профессор и чернорабочий, находили в них родные мысли, радовались и страдали вместе с поэтом и с упоением повторяли проникновенные строчки своей любимой, сестре, матери, другу...

Беспокойная жизнь поэта не могла не отразиться на его творчестве. В стихах Есенина и одинокие скитания, и разочарованность, и мучительные поиски жизненного пути. Но никогда не угасала в поэте любовь к матери, к своим близким, к родной рязанской деревне, к России. И эта любовь просветляла и согревала каждое его стихотворение. И потому лирика Есенина, прежде всего, — мир светлых образов и светлых чувств. Достаточно вспомнить, хотя бы, только «Письмо к матери».

Но Есенин — не только лирик. Как благодарны ему русские люди за то, что со всей страстностью поэта и гражданина он навсегда уничтожил лакействующего Демьяна Бедного. Ни одно стихотворение не пользовалось такой популярностью и любовью, как рукописный «Ответ евангелисту Демьяну»...

Никто со времен Пушкина и Лермонтова не писал таких прекрасных патриотических стихов, как Есенин. Его задушевные стихи о родине особенно близки нам, оказавшимся за ее пределами. Только пережив горечь таких же скитаний, можно прочувствовать по-настоящему его неугасимую любовь к России. Недаром в самые трудные минуты жизни, как заклинание, хочется повторить:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

О Есенине хочется написать много хороших, прочувствованных слов. Но слишком бледны пересказы о его творчестве. Лучше всего еще раз перечитать томик его стихотворений, и тогда перед вами возникнет образ светловолосого, голубоглазого рязанского юноши — мастера родных, пленительных стихов.

С. Турманов

Два стихотворения Сергея Есенина

* * *

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.

Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

* * *

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве
Ягненочек кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, —
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь — под пологом зеленым
Кадит черемуховый дым
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

О, сторона ковыльной пущи,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таится гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной требе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири
И горб Уральского хребта.

Новогоднее

Народная Помощь

За последние дни в редакцию поступило в фонд организации «Народная Помощь»: от рабочих фирмы Д. ие Киссингена на Майне — 850 марок; Андрея Лысенко — 20 марок; Ларисы Орловой — 20 марок; Александра Вольц — 10 мар.; украинских антибольшевиков из гор. Амштеттен — 350 мар.; рабочих строительного лагеря из Гладенфрей—320 мар.; А. Ланге из Эльбинга — 50 мар.; С. Востенрика из Лицманштадта — 60 мар.; рабочих сахарного завода в гор. Бриг — 1 500 марок; Алексея Скрылова из Рид (Венгрия) — 200 пенго; рабочих и служащих опорного пункта сельско-хозяйственного института в Нейдорфе — 825 мар.; рабочих и служащих завода в Широттау — 6 000 мар.; сельско-хозяйственных рабочих в Виннингене—600 мар.; Валентины Волковой — 100 мар.; В. Жук — 50 мар.; Аркадия Воробьева — 80 мар.; Николая П. (Обергрунд) — 150 мар.; Бирюкова (Бухнер) — 600 мар.; Нины Татаровой (Гельбрунн) — 100 мар.; Л. Гвоздевой (Гельбрунн)—100 мар.; С. Приходько — 60 мар.; Марии Довгань — 10 марок; русских, белорусских, украинских и польских рабочих из лагеря № 79 гор. Айах — 476 марок и 50 злотых; Аби Сефершаева — 150 мар.; рабочих из лагеря Дахтегергштрассе (Лицманштадт)—720 м.; русских и немецких рабочих и служащих товарной станции Вена-Нордвест-Банхоф—710 м.; научных работников, агрономов и рабочих La Außenstelle Süd des Stabes Ost — 1 900 м.; рабочих Baustofflager № 9-а (Глейвиц) — 130 мар.; группы русских и украинских рабочих фирмы «Сименс-Шуккерт» — 265 марок; неизвестного из Праги — 100 крон; группы русских эмигрантов из Сербии — 370 марок; группы русских эмигрантов из Франции — 1 050 мар.; Георгия П. — 50 мар.; фон-Бревери — 200 мар.; Е. С. Кулик-Евгеньева — 30 мар.; Е. И. Карпенко — 80 мар.; Э. А. Масевич — 20 мар.; Левиной — 10 мар.; Клини — 40 мар.; Ишагина — 20 мар.; рабочих фирмы Арнольд Мейер — 320 мар.; рабочих из гор. Эльмсгорн — 1 014 мар. и 96 пф.; группы кубанских и донских казаков — 530 марок; Г. Ф. Козлова—100 мар.; Hoffmann—150 мар.; В. В. Т. — 2 000 марок.

Гражданское Управление Комитета Освобождения Народов России просит во всех посылаемых в Комитет заявлениях, прошениях и письмах по всем возникающим вопросам обязательно указывать: а) Имя и фамилию отправителя; б) Подробный адрес лагеря; в) К какому ведомству причислен лагерь.

Письма следует направлять по адресу: An das Komitee für die Befreiung der Völker Rußlands (Zivilverwalt.), Feldpost-Nr. 67 295.

Международное обозрение

1944 год войдет в историю, как год величайших политических и военных неожиданностей. Грохот орудий наступающих на Западе германских армий является самым конкретным, но не единственным показателем того, что в ходе войны совершился поворот, казавшийся многим еще несколько недель тому назад маловероятным. Это германское наступление явилось не только полной неожиданностью для противника, но и происходит в исключительно неблагоприятный для союзников политический момент. Чтобы понять все значение происходящих сейчас военных и политических событий, следует бросить ретроспективный взгляд на прошедший год и оценить изменение соотношения сил за этот период.

Примерно год тому назад в Тегеране закончилась конференция Сталина, Рузвельта и Черчилля, а также сопровождавших их многочисленных военных и политических экспертов. Эту конференцию вся английская и американская пресса именовала тогда величайшим событием мировой истории, которое намечает путь не только для разгрома Германии и ее союзников но также и для построения будущего мира. Значительная часть достигнутых на Тегеранской конференции соглашений держалась долгое время в секрете, и только в последующем выяснилось, что участники ее детально договаривались о разделе будущих сфер влияния, тщательно скрывая друг от друга свои агрессивные планы.

Первые полгода после этого многим казалось, что решения, принятые в Тегеране, выполняются союзниками в достаточной мере согласованно, и что непреодолимые противоречия политического, экономического и идеологического порядка, пронизывающие собою этот беспринципный блок, выплывут на сцену только после окончания нынешней войны. Такой прогноз оказался неверным, ибо аппетиты возростали гораздо быстрее, чем это ожидалось, и политический раскол наступил уже при дележе первой добычи.

Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что еще на конференции в Тегеране и непосредственно после нее, каждый из союзников строил план дальнейшего ведения войны таким образом, чтобы переложить основную часть чисто военных операций и связанных с этим грандиозных потерь в людях, технике и материалах всякого рода на плечи других, а самому, тем временем, попытаться извлечь наибольшие экономические и политические выгоды. Такой результат уже давно предсказывался государственными деятелями Германии, предвидевшими неизбежное столкновение непомерных аппетитов Рузвельта, Черчилля и Сталина и строивших соответственно этому планы не только военного, но и политического характера.

Вынужденный отход германских войск летом и осенью этого года на западе, востоке и юго-востоке Европы освободил из-под германского контроля почти все те страны, которые были заняты германскими войсками за первые два года войны. В то время вся пресса союзников ликовала и предсказывала полный крах Германии в самое ближайшее время. Казалось, что немцы терпят поражения на всех фронтах, и никакая сила в мире не сможет предотвратить победоносного марша союзников на Берлин. Мы знаем теперь, что это мнение было необоснованным и ложным. Германскому командованию удалось на большей части фронтов отвести свои войска в порядке и сохранить не только живую силу, но и боевой дух. Нынешнее наступление германских армий на западном фронте наглядно показывает, в какой мере это удалось.

Между тем, в очищенные немцами страны и области, со всех сторон, устремились не только войска противника, но, в первую очередь, многочисленные политические агенты всех возможных направлений. Само командование союзников содействовало этому, так как уже задолго до начала наступательных операций этого лета «Интеллидженс Сервис» и соответствующие советские и американские организации не жалели никаких средств на вооружение деклассированных элементов почти во всех странах Европы и на создание многочисленных партизанских отрядов или просто банд. Оружие завозилось и засылалось всеми способами и средствами, и деньги лились неудержимым потоком в карманы всевозможных политических авантюристов.

Нет нужды перечислять сейчас все те большие и малые политические группировки, которые были пробуждены к жизни этими неисчерпаемыми субсидиями союзных разведок. Да этого пока и невозможно сделать. Только будущие историки нынешней войны смогут расследовать этот факт и в полной мере оценить ту величайшую ошибку, которую так упорно совершали представители английского и американского правительств, поддерживая и вооружая те силы, которые, по мысли их советского союзника, должны были стать их собственными могильщиками.

К началу осени этого года Италия, Франция, Бельгия и все балканские государства были наводнены толпами вооруженных людей, привыкших к легкой жизни за счет грабежа местного населения и ночных нападений на различные склады, транспорты и базы, и считавших себя единственными хозяевами в том всеобщем хаосе, который царил вокруг. Нет ничего удивительного, что при таких обстоятельствах различные марионеточные правительства, вывезенные на английских и американских кораблях или самолетах из Лондона, и посаженные в соответствующих странах, не имели никаких сил для того, чтобы справиться с существующим положением. Вокруг них бушевала стихия междоусобной войны всех против всех, и главным стимулом этой войны было стремление всяческих авантюристов потуже набить себе карманы, пока вокруг пылает пожар войны.

Те самые явления, которые характеризовали последний год прошлой мировой войны, выступили сейчас наружу с несравненно большей силой. Естественно, возникает вопрос: почему руководители английской и американской политики оказались настолько близорукими и не учли всего этого, тем более, что большинство из них уже в какой-то мере стояло у кормила правления еще во время прошлой мировой войны? Как могло случиться, что такие люди, как Черчилль, Ванситарт, Хелл, генерал Смутс и многие другие, так подробно описывавшие все политические просчеты Англии, Франции и США в 1917-19 годах, теперь сами допускали те же ошибки, но только еще в неизмеримо большей степени?

Ответ на этот вопрос заключается в том, что как командование союзников, так и их ведущие политические деятели, переоценивали свои собственные военные и политические возможности и недооценили решимости германского народа к сопротивлению. Попросту говоря, они сбросили со счетов возможность возрождения германской боевой силы и думали, что они ведут скачку по совершенно ровной дороге. Призом было господство в Европе, а единственным конкурентом казался скакавший рядом нынешний союзник. Результаты не замедлили сказаться.

Германское руководство, уведя свои армии из западных и юго-восточных стран Европы, переложило тем самым на плечи союзников все те трудности, которые так старательно создавались самими же союзниками в тылу германской армии. И, конечно, делу не могут помочь горькие сетования английской и американской прессы сейчас, в декабре 1944 года, на неблагодарность и коварство французских, бельгийских и греческих авантюристов, повернувших против англичан и американцев то самое оружие, которое они получали от английских и американских представителей и агентов в соответствующих странах. С другой стороны, советский союзник Лондона и Вашингтона оказался значительно более агрессивным, чем то могли предвидеть Черчилль, Рузвельт и их советники. Достаточно вспомнить всю ту закулисную игру, которая велась непосредственно перед и во время захвата большевиками Болгарии. В этот момент уже начал обнаруживаться просчет лондонских и вашингтонских политиков.

Но Черчилль и Рузвельт еще надеялись поправить положение созданием, по сути антисоветского, так называемого, Западного блока европейских государств, включающего Францию, Бельгию, Голландию, Данию и Скандинавские страны, а также ускоренным военным разгромом Германии. Генерал Эйзенгауэр получает приказ форсировать наступление на решающем стратегическом участке фронта и беспощадно бросает одну дивизию за другой в Аахенскую мясорубку. Но прорыва добиться он не может, несмотря на огромные затраты живой силы и, главное, военной техники. Аахенское сражение превращается в бой на месте. Сталин же, в противовес Западному блоку, выдвигает Люблинский комитет, заключает союз с де Голлем и разжигает пожар в Греции и Болгарии.

Также во всех оккупированных союзниками странах Европы разгорается пожар. Толпы вооруженных авантюристов протягивают жадные руки к власти и требуют не только признания своих прошлых заслуг, но и гарантирования им первенствующего положения в будущем. Население большинства стран голодает. Повсеместно вспыхивают забастовки, демонстрации и вооруженные столкновения, принимающие в таких странах, как Бельгия и Греция, форму открытой гражданской войны. Для подавления этих беспорядков приходится стягивать всё большие воинские силы и, тем самым, ослаблять нажим на фронте. Господа из Лондона и Вашингтона начинают всё более отчетливо понимать, как рискованно бывает строить дом, под фундамент которого одним из строящих непрерывно подкладываются мины. В такой обстановке на сцену выступает новый фактор — возрождение германской боевой силы и удар на западном фронте.

В то время, как в лагере союзников наблюдается полный развал и политический раскол, на другой стороне фронта происходит консолидация всех национальных сил.

Создание Комитета Освобождения Народов России и опубликование его Манифеста указывает, что на международную арену выступают силы, политическое значение которых трудно переоценить.

Л. Дудин